

Взгляд Мэн Чэня медленно последовал за направлением его глаз, едва заметно опустившись вниз, после чего он произнес с подчеркнутой ясностью:— Кто же еще мог оставить эти следы? Разумеется, это был младший брат Сюэ Лан.

Выражение лица Пэй Юйцзэ застыло, словно покрылось тонкой ледяной коркой. Хотя в глубине сознания у него уже сформировался предполагаемый ответ, он никак не ожидал, что Мэн Чэнь признается в этом с такой прямолинейностью, без тени смущения или утайки.

— Его ужалил Шипованный Демон, и он погрузился в бессознательное состояние. Из добрых побуждений я помог ему вывести токсины, но в ответ он неожиданно ударил меня ладонью. Вот таким образом и появились эти отметины, — объяснил Мэн Чэнь, его голос звучал размеренно, словно он рассказывал о совершенно обыденном происшествии.

Пэй Юйцзэ пристально изучал его лицо, будто пытаясь прочесть между строк, после чего задал уточняющий вопрос:— И это все, что произошло между вами?

— А что еще могло быть, старший брат? — Мэн Чэнь слегка провернул запястье в его хватке, при этом его прекрасные брови едва заметно сдвинулись, образуя легкую складку. — Ты причиняешь мне боль своими пальцами.

Только теперь Пэй Юйцзэ опустил взгляд и осознал, что сжал его тонкое запястье с чрезмерной силой, на фоне фарфорово-бледной кожи уже отчетливо проступили пять алых отпечатков, напоминающих следы от когтей хищной птицы.

— Приношу свои глубочайшие извинения, — он мгновенно разжал пальцы, словно обжегшись, и в его обычно невозмутимых глазах вспыхнули искренние нотки раскаяния. В мгновение ока он вновь превратился в образец учтивого благородства. — Я просто... испытывал чрезмерное беспокойство о твоём благополучии.

— Как я уже сказал, со мной все в полном порядке, — повторил Мэн Чэнь, его голос сохранял ледяное спокойствие. — Просто немного устал, не более того.

На этот раз Пэй Юйцзэ не стал настаивать на продолжении разговора. Пожелав ему хорошего отдыха, он наконец удалился. Как только дверь закрылась, Мэн Чэнь опустил взгляд на свое запястье, темно-багровый отпечаток пальцев выделялся на фоне безупречно белой кожи, словно клеймо, напоминающее о только что произошедшем.

В его обычно невозмутимых глазах мелькнуло что-то, напоминающее легкое отвращение, словно он случайно прикоснулся к чему-то склизкому. Он подошел к умывальнику и трижды тщательно вымыл пострадавшее место, словно пытаясь стереть невидимую грязь. Выйти сейчас куда-либо было бы неразумно, поэтому он лишь слегка вздохнул и направился к кровати.

Когда на следующий день Мэн Чэнь пришел в Лосунскую обитель, чтобы навестить Сюэ Лана, тот был полностью поглощен отработкой техник меча в залитом утренним солнцем дворе.

Вместо привычной бело-голубой униформы учеников секты Тайсюань на нем был облегающий черный тренировочный костюм, подчеркивающий каждую линию его атлетического телосложения. Его обычно распущенные черные как смоль волосы были туго собраны в высокий конский хвост, что еще больше акцентировало резкие, словно высеченные из гранита черты его лица и придавало ему хищную, почти опасную ауру.

Мэн Чэнь на мгновение задумался, вспоминая, что в прошлой жизни их отношения с Сюэ Ланом были настолько прохладными, что он никогда не видел его тренирующимся. Да и в этой жизни подобных возможностей выдавалось крайне мало. Поэтому он беззвучно замер у резных ворот, наблюдая за происходящим с неподдельным интересом.

Сюэ Лан, полностью погруженный в отработку приемов, поначалу не заметил его присутствия. Меч в его руках двигался с грацией лесного ручья, но при этом каждое движение таило в себе смертоносную мощь. Несколько молниеносных выпадов и на поверхности тренировочного камня напротив мгновенно появились идеально ровные трехдюймовые насечки. Мэн Чэнь сразу узнал "Тринадцать мечей Встревоженного Ветра" - сложнейшую технику, которой Сюэ Лан увлекся после прочтения древнего манускрипта в библиотеке секты.

— Достичь такого уровня мастерства всего за месяц практики... Это поистине впечатляет, — похвалил Мэн Чэнь, не скрывая искреннего восхищения в голосе.

Сюэ Лан вздрогнул, словно его ударили током, и резко развернулся, лишь сейчас заметив фигуру Мэн Чэня, безмолвно наблюдающую за ним с порога. Его губы непроизвольно дрогнули, когда он увидел теплую, почти горделивую улыбку на обычно таком сдержанном лице Мэн Чэня.

В прошлом он наверняка ответил бы что-то вроде: "Кого волнует твое никчемное мнение?" или "Не мешай, если не можешь сделать лучше". Но сейчас он лишь молча, с подчеркнутой аккуратностью вложил меч в ножны и направился внутрь жилища, демонстративно игнорируя присутствие гостя. Мэн Чэнь слегка приподнял бровь в недоумении, но все же последовал за своенравным юношей.

— Остаточные токсины от укуса Шипованного Демона полностью выведены из твоего организма? — спросил он, переступая порог. — Не испытываешь ли ты какого-либо дискомфорта или необычных ощущений?

Сюэ Лан опустил за низкий столик из красного дерева и с преувеличенным безразличием начал листать потрепанный учебник по продвинутым техникам меча. — Нет, — ответил он односложно, упорно избегая зрительного контакта.

Мэн Чэнь наблюдал за ним в течение нескольких долгих мгновений, после чего не выдержал: — Можешь объяснить, на что именно ты продолжаешь дуться уже вторые сутки?

Действительно, это странное поведение началось сразу после того утра. Мэн Чэнь даже начал анализировать свои последние действия, пытаясь понять не совершил ли он чего-то непростительного, что могло так задеть этого гордого и вспыльчивого "волчонка".

Пальцы Сюэ Лана, перелистывающие страницы, едва заметно дрогнули, выдавая его внутреннее смятение.

Дуется?..

Да как бы он посмел...дуться?"

Он вовсе не дулся. Он внезапно осознал, что незаметно для себя переступил незримую грань. Получив то, о чем прежде не смел и мечтать, он возомнил себя вправе и начал жаждать большего, словно опьяненный ложной уверенностью.

Теперь же он просто возвращался на положенное место, туда, где ему следовало находиться, и вел себя так, как подобало.

— Со мной все в порядке, — произнес он, намеренно избегая взгляда, голос звучал неестественно ровно. — Если у старшего брата нет других указаний, прошу удалиться.

Такое поведение оставило Мэн Чэня в растерянности. Раньше, когда Сюэ Лан раздраженно кричал что-то вроде: "Убирайся, не хочу тебя видеть!", между его словами и истинными чувствами существовала явная дисгармония. Он прогонял его, но при этом украдкой бросал взгляды уголками глаз, всем своим видом говоря: "Останься, не уходи". Теперь же юноша держался подчеркнуто вежливо, его тон был холоден и отстранен, а взгляд упорно избегал встречи, казалось, он и вправду больше не желал его видеть.

Сердце юноши было непостижимо, как морские глубины во время шторма. Мэн Чэнь пока не мог докопаться до корня проблемы. Молча поставив на резной лаковый столик два фарфоровых флакона, один с снадобьем для вывода остаточного яда, другой для регуляции ци, он беззвучно удалился, оставив за собой лишь легкий аромат орхидей.

Последующие несколько дней его тень больше не появлялась у порога Лосунской обители.

Закончив утреннюю практику с мечом, Сюэ Лан вернулся в свои покои и внезапно ощутил странную опустошенность. Несколько минут он стоял неподвижно, словно каменное изваяние, затем медленно, будто против собственной воли, опустился за черненный стол из красного дерева. Взял оставленные флаконы, и зажав их в ладони задумчиво разглядывал тончайшую голубую роспись на фарфоре, изображающую летящих журавлей.

Вдруг в поле его зрения вкатился круглый синий комок, с большой натяжкой это создание можно было назвать птицей, но уж больно оно было упитанным. Тело напоминало пушистый

шарик с торчащими тонкими ножками-спичками. Когда она переваливалась по столу, пышные перья полностью скрывали лапки, создавая комичное впечатление, будто передвигается самоходный пуховый шар.

Сюэ Лан машинально бросил взгляд на стоявшее рядом фарфоровое блюдечко с засахаренными фруктами на котором ни крошки не осталось.

— Если будешь продолжать в том же духе, — бесстрастно заметил он, постукивая пальцами по столешнице, — скоро не сможешь даже перекатываться, превратишься в неподвижный ком жира.

Эту нелепую птицу он подобрал во внутреннем дворике два дня назад. Тогда она неуверенно порхала в воздухе, напоминая подбитую бабочку, затем камнем рухнула в заросли пионов. Решив, что пернатая ранена, Сюэ Лан осторожно поднял её и обнаружил, что птица просто объелась на ночной охоте, набив зоб до отказа, и физически не могла подняться в воздух.

Глядя на корчащееся от тяжести в желудке создание, он со смесью жалости, брезгливости и невольного умиления на лице дал ему имя: "Синий Толстяк". (Лань Панпан)

Птица, вопреки нелепой внешности, оказалась необычайно смышленной. Понимая слова хозяина, она закатила маленькие, как бусины, черные глазки, наполнив их театрально-скорбным блеском. Затем с шумом плюхнулась на спину и принялась тереться пушистым крылом о его ладонь, издавая жалобные поскуливания.

Сюэ Лан воспользовался моментом, чтобы почесать ей вздувшееся брюшко. Наблюдая, как существо блаженно жмурится, он на мгновение позволил себе улыбнуться, но тут же помрачнел, словно вспомнив что-то тягостное.

— Четыре дня... — прошептал он, сжимая флаконы так, что побелели костяшки пальцев. — На этот раз он действительно рассердился, да?

Тот человек никогда не страдал от недостатка внимания и обожания. Желающих приблизиться, развеселить, угодить у него было хоть отбавляй. Зачем ему терпеть чьи-то капризы и перепады настроения?

Синий Толстяк с птичьим недоумением наблюдал за хозяином, уловив нотки печали в его голосе. Он ткнулся клювом в ладонь, заворковал что-то утешительное и принялся тереться пузиком о его пальцы, словно пытаясь развеять мрачные мысли.

Отбросив лишние размышления, Сюэ Лан собрался приступить к медитации, необходимо было стабилизировать недавно сформированное Золотое Ядро, как вдруг птица насторожившись встрепенулась. Её блестящие глазки с любопытством уставились на белого бумажного журавлика, впорхнувшего в открытое окно на утреннем бризе.

Взгляд юноши застыл, будто превратившись в лед. Журавлик сделал несколько изящных кругов под потолком, затем с легким шелестом развернулся, превратившись в строку светящихся золотых иероглифов, парящих в воздухе:

"Прибуди на Утес Небесной Заставы в начале четвертого часа дня." Надпись медленно растворилась, словно тающий дым, а Сюэ Лан всё стоял, ощущая, как учащенно бьется сердце, готовое вырваться из груди.

Автор послания не вызывал ни малейших сомнений.

Значит, тот всё же готов с ним общаться? После всего?

Уголки его губ непроизвольно дрогнули, ноги сами понесли к выходу, но он резко остановился, вцепившись в дверной косяк до побеления пальцев.

Нет, нельзя.

Он с таким трудом взял себя в руки, чтобы держаться на расстоянии. Разве один неосторожный шаг не перечеркнет все его усилия? Не разрушит хрупкую решимость?

Стиснув зубы до хруста, он сделал шаг назад, к центру комнаты.

Но... вдруг у того действительно важное дело? Что-то срочное, что нельзя отложить?

Всего одна встреча, пара формальных фраз. Можно считать это последним прощанием и затем он навсегда исчезнет из его жизни.

Неуверенно, словно против собственной воли, он сделал шаг вперед, к двери.

Синий Толстяк, наблюдавший за метаниями хозяина с комичной серьезностью, видимо, устал от его нерешительности. С громким клекотом он взмахнул крыльями и с неожиданной для своего размера силой толкнул юношу в спину.

Для существа размером с человеческую ладонь птица обладала удивительной мощью. Один решительный толчок и Сюэ Лан очутился за порогом, едва не растянувшись во весь рост на каменных плитах коридора. Оправившись, он сердито сверкнул глазами на пернатого предателя, но тут же нашел удобное оправдание, пробормотав себе под нос: — Это ты меня вытолкнул, понимаешь? Я бы сам ни за что не пошел.

С деланной небрежностью поправив складки одежды, он зашагал прочь, но если бы кто-то взглянул ему в лицо в тот момент, то увидел бы в глазах сдерживаемую радость, светившуюся сквозь напускное равнодушие.

До назначенного времени оставался целый час, но на вершине Тяньцзи, куда вели три тысячи резных ступеней, уже всюду палило полуденное солнце.

Прислонившись к древней сосне на самом краю обрыва, Сюэ Лан вскоре увидел приближающуюся знакомую фигуру. Мэн Чэнь, заметив его, слегка приподнял бровь:

— Ты уже здесь? Я думал, придешь позже.

— Я только что прибыл, — юноша выпрямился, стараясь придать лицу холодное, отстраненное выражение. — В чем дело? Говори быстрее, мне нужно возвращаться к практике. Каждую минуту промедления стоит мне развития в культивировании.

— Яд Демона полностью вывелся? — спросил Мэн Чэнь, игнорируя его резкий тон. — Никакого дискомфорта?

— Ты уже надоел с этими расспросами, — Сюэ Лан демонстративно закатил глаза, скрестив руки на груди. — Сколько раз можно повторять, что всё в порядке.

— Это хорошо, — он кивнул, затем неожиданно дотронувшись до своей шеи, где виднелся едва заметный синяк, слегка поморщился. — А вот твой удар ладонью дал о себе знать. До сих пор побаливает, если трогать.

Лицо Сюэ Лана мгновенно изменилось, будто по нему прошел ураган, сметая маску равнодушия.

— Болит? Я... я правда тебя ударил? — его голос дрогнул, выдав внутреннее смятение.

Мэн Чэнь молча смотрел на него, и в этих обычно невозмутимых глазах читался немой укор, смешанный с чем-то еще, более сложным.

— Я не хотел, — на лице юноши отразилось искреннее раскаяние, пальцы непроизвольно сжались в кулаки. — Тогда я... я не контролировал себя, натворил глупостей. Прости... Сильно болит? Мазал чем-нибудь? Может, принести тебе бальзам из моих запасов?

Мэн Чэнь внимательно наблюдал за этой сменой эмоций, от показного равнодушия к искренней тревоге, затем неожиданно улыбнулся, и его лицо озарилось теплым светом:

— Видя такую заботу младшего брата, боль сразу утихает. Лучше любого бальзама.

Прежде чем Сюэ Лан успел осознать двусмысленность этих слов, воздух вокруг них вдруг сгустился, наполнившись тяжелой, убийственной энергией. Рука Мэн Чэня молнией впиалась в его горло, с неестественной силой сжав пальцы!

Движение было стремительным, точным и абсолютно безжалостным. Жгучая боль пронзила шею, в глазах потемнело, а в ушах раздался жуткий хруст сжимаемых хрящей.

— Младший брат холоден с виду, но горяч сердцем, — "Мэн Чэнь" тихо рассмеялся, и его зрачки внезапно расширились, став бездонно черными как смоль. — Делает вид, что избегает меня, а на самом деле так переживает за мои синяки. Я... тронут.

Сюэ Лан судорожно ухватился за сжимающую горло руку, но не мог сдвинуть её ни на йоту, будто она была высечена из гранита. — Ты... не... — он хрипел, пытаясь вдохнуть, лицо постепенно синело от недостатка воздуха.

— Кто я - неважно, — "Мэн Чэнь" усилил хватку, с легкостью приподнимая его над землей, будто тот был не взрослым мужчиной, а цыпленком. Медленными, размеренными шагами он начал приближаться к самому краю обрыва, где камни осыпались в бездну. — Важно, что ты пришел не туда. В следующей жизни запомни, что тебе не следует ступать на землю Тайсюань.

Он сделал паузу, затем добавил с ледяной, почти церемонной вежливостью:

— И главное держись подальше от тех, к кому не стоит приближаться. Это... для твоего же блага.

Пальцы разжались. Тело Сюэ Лана, потеряв опору, полетело в зияющую пропасть, исчезая в клубах утреннего тумана.

<http://bllate.org/book/14626/1297710>